

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й № 119 (4085)

Суббота, 26 сентября 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

ВЕСНА ЧАС ПРИБАВЛЯЕТ

— Будешь теперь у проходных встречать на час раньше...
— Не отвергнешься, отец, наладись мне санки!..
— И поны вымок, и жакет распухло, а еще времени останется — поучатся...

Николай АТАРОВ

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

Теперь давайте мысленно соединим два важных решения последних дней — о посылке предпринятиями и колхозами своих передовых людей в высшие учебные заведения и о сокращенном рабочем дне...
...Но ведь можно преблагополучно проспать дарованный судьбой час или про...

сплетничать его на кухне; можно, как выражаются, «по двум доскам ходить», пыльно куряжась, не зная, чем занять о себе; может заныть тебя и в поном или в сектантскую молельню. Это верно, что на досуге люди познают свои подлинные интересы, находят себя, упражняют свои способности, таланты. Но ведь верно и то, что на досуге пьют, склоняются, безобразничают...
Поля прибавилось, товарищи деятели культуры! Чем-то его засеять? Не поспоритесь теперь случайно людям в учреждениях культуры. Этот новый час досуга в жизни двухсотмиллионного народа ставит трудные задачи перед теми, кто в первую очередь отвечает за исход многолетней битвы с разрывистостью, слухом и бесемисливой обывательского существования. Уже сейчас, в первые же дни, об этом задумались неравнодушные воспитатели в рабочих общежитиях, цеховые комсорги, библиотекари, инструкторы спорта, преподаватели музыкальных, художественных, балетных школ, театральные деятели, кинематографисты, работники радиофронта — и, конечно, мы, журналисты, писатели.

Многое предстоит сделать, заглядывая вперед, в нелегкое будущее. Не за горами осуществление в Советском Союзе самого короткого в мире рабочего дня! Предвидя это, нам нельзя не думать о человеке во всей полноте его жизненных интересов — о его семейном отдыхе, о здоровье, веселье, о знаниях, о новых — вторых и третьих — профессиях, о научно-техническом кругозоре каждого, пусть самого далекого от науки труженика, наконец, о таланте, который всегда возникает рядом с нами, как чучло, — совсем неожиданно для окружающих.

Стоит подумать о наших бабушках. Иная дель-ленская кружится по дому, а поздно вечером рада бы только до постели добраться. И никто не заметил, ни сыновья, ни внуки: помы мытые затоптали, обел пригтовленный стелся, а работы как будто и не выдано. Указом тут ничего не решишь, а сердцем — нужно...
Вот о чем невольно раздумываешь, слушая голос всенародного одобрения новому постановлению.

И еще задумаешь о том, что нельзя нам, живя в такое время, забывать прошлое. Шестидесять лет назад писатель А. Серафимович спустился в шахту в Юзовке, в Донбассе. Вот разговор, который он тогда воспроизвел:
«— ...И они совершенно как звери: есть такие, что целую неделю не вылазят...
— Неужели же неделю?
— Целую неделю! Логово себе устроил на углу спит, пожегет, пожегет — и опять работать. И их совершенно за диких зверей считаю, окончательно просто

зверь, совершенный зверь, зверь дикий. Ну, ему чего же: встретил, похвхнул по горлу. Ему лишь бы на водку, — своя жизнь ничего не стоит, чего же он чужью-то будет жалеть.
— Но ведь это же ужасно, неужели же неделю под землей?
— В воскресенье только вылазят — сейчас водка, гармоника, ругня, драка, пьяные до бесчувствия валяются, а там опять туда, под землю.

Так действовал в старой России, как ныне действует в капиталистическом мире тот, открытый и распознанный Марксом закон жизни, по которому предприниматель, если бы было в его власти, удлинит бы рабочий день до двадцати четырех часов, потому что этого требует всепожирающая страсть к прибыли, чистогану.

Верю, что и в отдаленном будущем — при полном коммунизме — люди не забудут ленинскую Варьку из чеховского рассказа «Спать хочется» — ту девочку тринадцати лет, которая днем топала пеньку, ставила самовар, мыла лестницу, чистила картошку, прислуживала за столом, стирала, шила, а ночью без сна качала ребенка — до одури, до полного истощения человеческих сил и возможностей, когда один только выход подкашивает изнеможенный детский мозг: убить хозяйского ребенка, чтобы он не плакал, не мешал, а потом спать, спать, спать...
Новое постановление будет входить в действие в течение года, повсестрально, охватывая огромные зоны страны от Дальнего Востока до Ленинграда, включая поочередно целые отрасли народного хозяйства. Меж строгих строк постановления, в его подтексте волнующе звучит гуманная мысль, что человек создан для счастья, как птица для полета.

Вопросы, поднятые в письме Василия Турайкевича, заслуживают серьезного внимания. Редакция «Литературной газеты» просит читателей, и в первую очередь молодых колхозников, откликнуться на это письмо.

ОПУСКАЮТСЯ на село осенние сумерки. Зажигаются огни в колхозных домах.
В свободные вечера мы, молодежь, ветераны сельской средней школы, собираемся на посиделки. Девушки занимаемся разным рукоделием, парни рассказывают сказки, вместе обсуждаем прочитанные книги, поем песни, а то и просто ведем неторопливый разговор о жизни-бытии.

Однажды поздно вечером мы, как всегда, сидели в хате и обсуждали колхозные новости.
Бася, найдя мне какую-нибудь работу в конторе, — обратилась ко мне Лена.
Такая просьба меня удивила. Зарабатывать девчата на трудодни немало, пожалуй, больше, чем на службе. Да и сама работа львоводов интересна, увлекательна. Почему же она хочет сбегать куда-нибудь в канцелярию?
Я принялся горячо говорить о труде простых полеводов, о их творческих исканиях, о романтике борьбы за высокий урожай.

— Знаем, знаем эти громкие слова. Мы сами много книг читали про колхозные дела, — перебила меня Лена. — Это только в романах так описывается, а на самом деле что? Где те искания, о которых говоришь, где же интересная творческая работа? Я делаю то, что может сделать каждый. Для этого и десятилетку окончила — надо. — Она бросила с раздражением:
— Подумаешь, большой интерес награждать навоз на поволаки...
Я попробовал возражать.

— А-а, да что с тобой спорить, с романтиком, — Лена встала и, резко хлопнув дверью, вышла.
Все умолкло. Только время от времени слышно было шуршание ниток да стук размазывающихся катушек... В тот вечер я долго не мог уснуть, все шagal по комнате, думая о своих товарищах, сверстниках, о сегодняшней взыскливости Лены. Да она, конечно, погорячилась. Я знаю — в ее работе (как, наверное, и во всякой другой) есть и тяжелое, и легкое, есть немало интересного, творческого, хотя она сама никогда не скажет так о своей работе. И все-таки меня возмущало то недовольство, которое прозвучало в словах Лены.

А ее подруги? А ребята? Любят ли они землю, труд на этой земле? Чем они недовольны? О чем мечтают?
Лена справедливо назвала меня романтиком. И вот, не стесняясь своей романтической мечты о прекращении труда простого колхозника, я решил написать письмо в «Литературную газету».

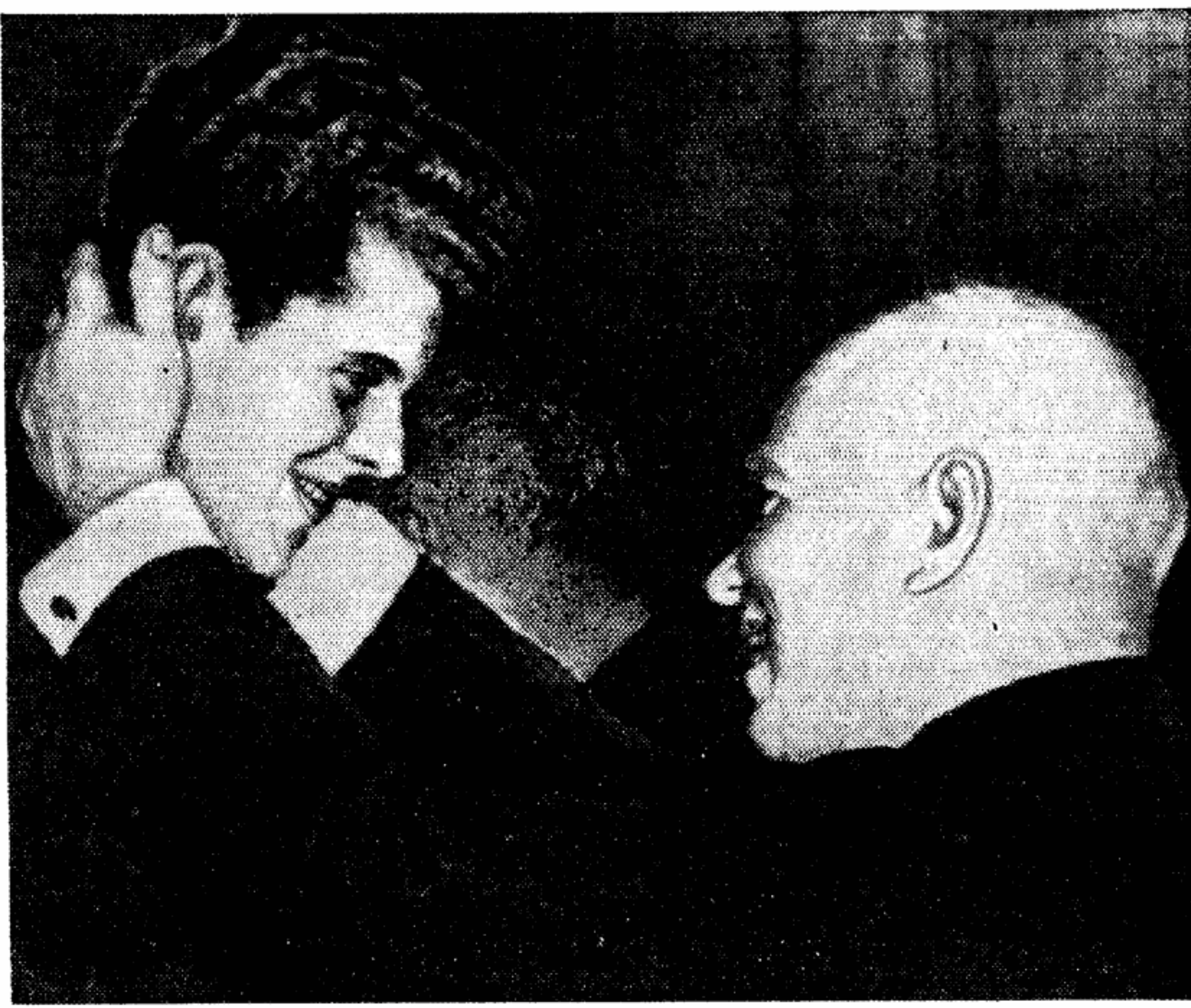
ПЕРЕЛИСТАВ подшивки «Литературной газеты» за последние годы, я нашел статью, посвященную нам, выпускникам средних сельских школ, нашему труду в колхозах. Это статья известного председателя колхоза «Рассвет» К. П. Орловского «О наших наследниках». Я прочитал несколько раз эту статью, и мне захотелось поспорить с товарищем Орловским по некоторым вопросам.

Товарищ Орловский сетует на себя и людей своего поколения, что они оказались плохими родителями и не сумели привить любовь к земле нам, детям. У него как-то так получается, что вот раннее любил землю, труд на земле, а теперь нет...
Неверно это, Кирилл Прокофьевич! Возьмем прошлое. Что держало наших

НИКИТА Сергеевич Хрущев в хч Хрущев вернулся в Вашингтон. Сегодня в сопровождении А. А. Громыко он выехал в Кемп-Дэвид, где состоятся важные беседы с президентом Эйзенхауэром.

МЫ ЛУЧШЕ УЗНАЛИ ДРУГ ДРУГА

Б. ЛЕОНТЬЕВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Позавчера в Вашингтоне, Никита Сергеевич Хрущев и Ван Клиберн встретились на приеме в Советском посольстве. Фотохроника ТАСС. (Снимок принят от фототелеграфу)

Итак, поездка по Соединенным Штатам завершена. Успех ее несомненен. Американский народ не только с теплым радушием встретил высокого советского гостя, — он раскрыл ему свое большое сердце. С негодованием отругали американцы «советы», расточавшиеся по радио и в газетах, — держаться «холодно», «сдержанно», даже «настороженно». Нет, именно простые американцы, — а под этим подразумевается подавляющее большинство населения Штатов, — оказались трезвыми, реалистическими политиками. Их «равнодушие к политике» — это миф.

Особенно характерными были последние дни нашего стремительного путешествия. «Дух Фриско» торжествовал в Де-Мойне. Не захотел отстать и Питтсбург — крупный промышленный центр, где впервые главе Советского правительства еще на аэродроме были вручены ключи от города, конечно символический, которым Никита Сергеевич обещал открывать только те двери, которые разрешат открыть хозяева.

Произошло нечто вроде соревнования между американскими городами — кто лучше примет Н. С. Хрущева. Пальма первенства все же должна быть присуждена жителям и властям штата Айова — географического и сельскохозяйственного центра страны. Никогда не забуду толпы народа на улицах Де-Мойны, их улыбки и радостных возгласов. Так было в самом городе, так было и в маленьких селениях, вроде Кун-Рэпидс, так было в университете в городе Эйме. Впервые увидели мы столько плакатов на русском языке. Интересно, что на лучший плакат был проведен конкурс. И лучшим был признан призыв товарища Локнера, гласящий: «Товарищ Хрущев! Вместе должны стремиться к мирному свету». Глубокий по мысли, он трогательнее даже этим отсутствием от правил русской грамматики. Такие же сердечными, мудрыми были призывы, написанные студентами Эй-

са. Они горячо одобряют предложения, внесенные Хрущевым в ООН.
Люди Айовы всячески стремились завязать беседы с советскими людьми. Каждая шутка Хрущева передавалась здесь из уст в уста. Теперь в Де-Мойне все знают, что говорил Хрущев Гарету, как он отнесся к интересному опыту этого фермера, утверждающего, что совсем не обязательно восстанавливать плодородие почвы путем чередования культур — можно год за годом сеять кукурузу по кукурузе. Обсуждают и его критические замечания: как указал Н. С. Хрущев, Гарет сеет кукурузу слишком загущенно.
Великолепны, изобильны поля Айовы. Благополучный край для фермеров! Сейчас уже конец сентября, но здесь еще жарко. И не бывает случаев, чтобы зланы в Айове тибли от мороза или от засухи. Здесь, на так называемом Среднем Западе, лучше всего можно увидеть подлинный характер американцев, их лучшие

черты. Веселые люди, которым чуждо неуважение к другому народу, они при случае не прочь с гордостью показать свои достижения. Однако эта гордость — не чванство: айовцы с готовностью показывают лучшее, предлагают перенять его, они не прачут своего опыта. Просто, как равный, говорил с ними советский премьер, всюду встречая взаимность. Не случайно надпись на карточке, прикрепленной к крупному початку кукурузы, который милое из нас везет в качестве сувенира в Москву. Она гласит: «В память о дне пребывания Хрущева в Кун-Рэпидсе. Айова, 23 сентября 1959 года». Историческим стал этот день для Айовы.

Немного времени пробыл Н. С. Хрущев в Питтсбурге. Он осмотрел машиностроительный завод компании «Места». Братские беседы Хрущева с рабочими, обмен маленькими сувенирами, которые дарят от чистого сердца... Все эти отдельные (Окончание на 4-й стр.)

ДУМЫ МОЛОДОГО КОЛХОЗНИКА

ДУМАЮ, никто не станет спорить, что мощный, многоотраслевой колхоз сегодня во многом подобен заводу. Сельское хозяйство, как и промышленность, имеет свои научно-исследовательские институты и опытные станции. Но у каждого завода есть еще и в сравнении с сотнями тысяч заводских рационализаторов этого почти не встретишь. В промышленности огромный размах получило изобретательство, рационализаторское движение, в сельском хозяйстве оно несравненно слабее.

Конечно, можно назвать немало имен замечательных колхозных новаторов. Во всех отраслях сельского хозяйства есть свои передовики. Но по своим масштабам это не идет и в сравнение с сотнями тысяч заводских рационализаторов, и лабораторий, а вот в колхозах этого почти не встретишь. В промышленности огромный размах получило изобретательство, рационализаторское движение, в сельском хозяйстве оно несравненно слабее.

Иногда председатели колхозов обижаются, что молодежь, окончившая среднюю школу, уходит на стройки и заводы. А ведь по существу эти руководители сами отталкивают молодых людей от сельского хозяйства, так как не предоставляют им возможности активно, творчески работать на земле.

С каким интересом молодежь нашего села, окончившая десятилетку, работала бы в поле, если бы по вечерам или в другое свободное время изучала в агрокабинетах и лабораториях танинственные процессы, происходящие в растениях, если бы для нас термометры-дождемеры, микроскопы, пробирки, колбы стали таким же обычным инструментом, как вилы, лопаты и грабли, если бы мы научились наблюдать за растениями и почвой, вели записи в дневниках, анализировали и сопоставляли факты, делали бы заключения и выводы.

Иногда председатели колхозов обижаются, что молодежь, окончившая среднюю школу, уходит на стройки и заводы. А ведь по существу эти руководители сами отталкивают молодых людей от сельского хозяйства, так как не предоставляют им возможности активно, творчески работать на земле.

С каким интересом молодежь нашего села, окончившая десятилетку, работала бы в поле, если бы по вечерам или в другое свободное время изучала в агрокабинетах и лабораториях танинственные процессы, происходящие в растениях, если бы для нас термометры-дождемеры, микроскопы, пробирки, колбы стали таким же обычным инструментом, как вилы, лопаты и грабли, если бы мы научились наблюдать за растениями и почвой, вели записи в дневниках, анализировали и сопоставляли факты, делали бы заключения и выводы.

Иногда председатели колхозов обижаются, что молодежь, окончившая среднюю школу, уходит на стройки и заводы. А ведь по существу эти руководители сами отталкивают молодых людей от сельского хозяйства, так как не предоставляют им возможности активно, творчески работать на земле.

С каким интересом молодежь нашего села, окончившая десятилетку, работала бы в поле, если бы по вечерам или в другое свободное время изучала в агрокабинетах и лабораториях танинственные процессы, происходящие в растениях, если бы для нас термометры-дождемеры, микроскопы, пробирки, колбы стали таким же обычным инструментом, как вилы, лопаты и грабли, если бы мы научились наблюдать за растениями и почвой, вели записи в дневниках, анализировали и сопоставляли факты, делали бы заключения и выводы.

Иногда председатели колхозов обижаются, что молодежь, окончившая среднюю школу, уходит на стройки и заводы. А ведь по существу эти руководители сами отталкивают молодых людей от сельского хозяйства, так как не предоставляют им возможности активно, творчески работать на земле.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

родителей на уборках Лоскутах земли? Любовь к земле? Нет. Наши родители держали на земле беспросветную нужду и бесправное положение. Если бы они любили землю и уважали крестьянский труд, то как же возникло такое неуважительное выражение — «выйти в люди»? Это нас когда-то называли «мужиками-лапотниками», «хамами», «быдлом». «Выйти в люди» означало тогда получить право человеком называться, избавиться от брезгливой клички «лапотника».

А сегодня? Сегодня для меня и моих товарищей «выйти в люди» — это не значит уйти из колхоза, оторваться от земли. Нет, мы хотим оставаться в деревне, хотим трудиться на земле, на колхозных полях. И горюю своим званием «лапотник» и не променяю его ни на какое другое.

По-моему, именно про мое поколение, избранное Советской властью от темноты и беспросветной нужды деревенской жизни, можно сказать, что оно по-настоящему осознано и полно, от всего сердца любит землю и труд на земле. Я говорю об отдельных молодых людях и девушках, которые стремятся уйти из деревни. Их ведь не так уж много. Нет, я говорю о тех тысячах и сотнях тысяч молодых колхозников, которые остаются и честно трудятся в полях и на фермах во имя того, чтобы жизнь в нашей стране становилась все изобильнее и краше.

Мы любим землю, товарищ Орловский!
Мы любим труд на этой земле и понимаем, что с каждым годом он будет делаться все более и более интересным, легким — такая логика нашего развития! На наших глазах колхозная деревня все больше и больше насыщается техникой, механизмами, электричеством работает на человека, в самые дальние углы проникает свет знаний. Как же не быть благодарными за то, чего были лишены наши родители?

НЕТ, ни Лена, ни ее подруги не стремятся оставить родное село. Но всегда ли они бывают удовлетворены своим трудом? Находят ли применение всем тем знаниям, которыми с нами поделились школьные учителя? Обрели ли простор для творческой активности, для производственной инициативы?

Конечно, должен говориться, что могут судить только о наших краях, о делах своего и соседних колхозов. Возможно, в других артелях, в других областях положение другое. Но у нас, несмотря на достигнутые успехи, с молодежью не все ладно. Именно об этом и хочется прямо сказать.

Художественная литература полна рассказами о подвигах, исканиях, открытиях молодых колхозников. Читая такую книгу, и увлекаешься трудом полевода, живешь его стремлениями, делами, трудностями. Наши юноши и девушки тоже хотели бы жить большой творческой жизнью. Но часто получается так, что они дают меньше, чем могли бы.

А между тем я убежден, что уже настала пора сделать труд рядового колхозника более квалифицированным, более творческим, добиться такого положения, чтобы любой юноша со средним образованием мог применить знания, полученные в школе, на практической работе, в поле. Как много это может дать нашему сельскому хозяйству!

Наверное, об этом можно писать и рассуждать очень много и по-разному. Я хочу тут поставить только некоторые из многих важных вопросов, связанных с судьбами колхозной молодежи.

НАВСТРЕЧУ ПЛЕНУМУ ЦК КПСС

наука. Она ратует за широкое применение удобрений, за посев сортовыми семенами, словом, за передовую культуру земледелия.
Мне хочется сказать тов. Винокурову, что такая передовая культура земледелия пахнет вчерашним днем. Она давно известна любому рядовому колхознику. И если мы будем определять опытных агрономов по таким признакам, то, право же, любой из нас может претендовать на должность передового агронома, хотя и не имеет агрономического образования.

И прошу извинения у тов. Масленниковой. Охотно верю, что она действительно передовой, опытный и знающий агроном. Но если судить по очерку И. Винокурова, то она выполняет лишь функции контролера, которые требуют не высшего специального образования, а лишь практического знания основ сельского хозяйства.

Нам, молодым колхозникам, агроном представляется носителем передового, таким человеком, который делает анализ почвы и растений, внедряет уже известные прогрессивные методы выращивания сельскохозяйственных культур и разрабатывает новые. Мы считаем, что агроном — это в какой-то степени врач сельскохозяйственных культур. Он должен ежедневно наблюдать за их состоянием, чтобы в нужный момент оказать необходимую агрономическую помощь.

ЕСТЬ у нас в колхозе агроучеба, но плохо то, что зачастую она проводится формально, больше для отчетности, чем для пользы дела. Возьмем хотя бы ежегодные зимние занятия звеньевых. В нашем колхозе звеньевые работают главным образом женщины с четырехлетним образованием. Изучают они элементарные основы земледелия, которые известны всякому колхознику из практики. Причем и эти знания они получают, если можно так выразиться, всухую. Ведь практически эти звеньевые не могут даже определить температуру, кислотность почвы, они никогда и в глаза не видели термометра.

Как-то я спросил у одной звеньевой, чем они занимаются на агроучках.
— Как чем? — удивилась она. — Изучаем, как пахать, сеять, какими удобрениями подкармливать, как лучше урожая собирать.
— А разве вы прежде не знали этого?
— Знать-то знала, а то по-книжному расписано.
— А чем вам в работе это книжное помогает?
— А вода их ведае, чем! — ответила она, пожав плечами.

Вот так агроучеба! Люди изучают агрохимические основы ведения сельского хозяйства таким образом, что это никак не отражается на их работе.
СЕГОДНЯ в нашем колхозе трудятся свыше четырехсот юношей и девушек, из них около половины со средним образованием. Никто из них не читал и не изучал основ наук К. А. Тимирязева, И. В. Мичурина, В. Р. Вильямова, Д. Н. Прянишникова, В. В. Докучаева. Почему бы не создать агрохимические курсы и там серьезно изучать труды этих ученых. Ведь молодежь со средним образованием может освоить труды классиков сельскохозяйственной науки, и это во многом поможет вести хозяйство на действительно научной основе.

Я знаю, что многие колхозы Украины построили Дома сельскохозяйственной культуры с лабораториями и кабинетами по полеводству и животноводству. Какое замечательное и своевременное начинание! Именно при кабинетах по полеводству нужно организовать звенья из молодежи, которые экспривать землю хорошо, как того требует

Я знаю, что многие колхозы Украины построили Дома сельскохозяйственной культуры с лабораториями и кабинетами по полеводству и животноводству. Какое замечательное и своевременное начинание! Именно при кабинетах по полеводству нужно организовать звенья из молодежи, которые экспривать землю хорошо, как того требует

Учредительному съезду писателей Венгрии

Дорогие друзья!
От имени советских писателей сердечно приветствую участников вашего съезда. Вместе с вами раздумываем о судьбах литературы Венгрии и ее верных сынов — венгерских деятелей литературы. Вместе с вами верим, что сплочение литературных сил страны вдохновит писателей Венгрии на создание новых ярких произведений, достойных славного венгерского народа. От души желаем вам плодотворной дружной работы, больших творческих успехов.

Собрание писателей-коммунистов

На днях состоялся партийное собрание московской писательской организации и правления Союза писателей РСФСР.
Доклад «Очередные задачи писателей-коммунистов» сделал секретарь парткома Московского отделения Союза писателей В. Сытин. Он говорил о той огромной ответственности, которая лежит на советских писателях в эпоху небывалых творческих свершений народа, строящего коммунизм.

В СУББОТНОМ НОМЕРЕ

- ★ Николай Атаров. Весна час прибавляет.
★ Б. Леонтьев. Мы лучше узнали друг друга.
★ Василий Турайкевич. Думы молодого колхозника.
★ Эрих-Мария Ремарк. Жизнь взаимны.
★ Леонид Лиходеев. Сонные души.
★ Виктор Боков. Новые стихи.
★ На этой неделе.
★ Н. Михайлов. Над картой Китая.
★ Джеймс Эндикотт. Верный курс.

Партийное собрание обсудило также поставленные в докладе вопросы об объединении управленческого аппарата Московского отделения Союза писателей, Союза писателей РСФСР и Союза писателей СССР и о резком сокращении его.

Думы молодого колхозника

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

ментировали бы на колхозном опытно-участке — выискивали наиболее эффективные агроприемы, проверяли опыт новаторов, выращивали новые культуры, находили верные пути повышения урожайности. Набинеет полеводства с такими звеньями был бы подобен конструкторскому бюро с экспериментальным цехом на заводе.

Дома сельскохозяйственной культуры со своими звеньями и опытными участками могут служить отличной базой для производственной практики школьников. А если кто из учащихся еще на школьной скамье увлечется экспериментами, то после окончания школы он сможет продолжить свои наблюдения тут же, на колхозных полях. И в вузы эти люди пойдут по призванию души.

Мне кажется, колхозы в состоянии строить дома сельскохозяйственной культуры, но гораздо сложнее оборудовать их приборами и аппаратами, которые сейчас почти не выпускают.

МОЛОДОЙ колхозник наших дней не тот, каким он был даже пять-десять лет тому назад. Сегодня мы — крестьянские дети — отлично разбираемся в задачах страны и сельского хозяйства, в сложных вопросах техники и химии, ботаники и зоологии, физики и математики, истории и литературы. Мы горим желанием трудиться, творить, дерзать. Но работать хочется интересно, с максимальной пользой делу, сочетая практику с наукой.

Вскоре соберется Пленум ЦК КПСС для обсуждения вопросов сельского хозяйства. Он укажет пути сближения высокой, передовой агротехники с повседневной практикой сельского хозяйства, выведет науку из стен институтов и опытных полей на широкие колхозные нивы. Сегодня в колхозах и совхозах уже много грамотных, инициативных, беспокойных людей, которые смогут взять все лучшее, передовое от науки и в свою очередь оказать серьезную помощь ученым.

Василий ТУРАЙКЕВИЧ, полевод колхоза «Коммунар» Новогрудского района, Гродненской области, Белорусской ССР

С АМОДЕЛЬНЫМ конвертом, в нем обыкновенная учебная тетрадка, густо, без полей, испи-санная крупным старательным почерком.

Пишет молодой колхозник, полевод, окончивший десятилетку. Пишет о том, что волнует и заботит его... о колхозных делах, о своей жизни, о жизни сверстников, которые, как и он, мечтают о больших делах, о том, чтобы на колхозные поля пришла большая наука.

Письмо Василия Турайкевича привело меня на западную границу Белоруссии, в места, посетые Адамом Мицкевичем. На дворе сентябрь. Но в этих, свежих дышанцах Немана местами еще продолжается страдная пора. Идет наступление на огромные массивы кукурузной «гайты», которая тянется километрами. Машины гудят то где-то вдали, то тархают у самого шоссе.

В Осташеве я приехал под вечер, но прошли еще долгие часы, пока в деревне появились Василий Турайкевич и его сверстники. Загорелые, усталые, в заплясанных комбинезонах вернулись они с поля.

Мы познакомились. Прошли в его дом. И сразу же начался горячий разговор о том, что волнует Турайкевича и его друзей. Василий немного смущен, он то и дело обращается за поддержкой к товарищам. А потом, махнув рукой, садится и начинает читать односельчанам свое письмо в редакцию.

Внимательно слушали его молодые заведующие бригадами и звеньями. Они различали мысли полеводца, обдумывали их, высказывали новые соображения. Раговор получился живой, заинтересованный, как кто-то выразился, «на совесть».

А совесть у этих людей беспокойная. Она не дает им успокоиться на достигнутом, заставляет примериваться к большому, равняться на задачи, которые решает страна.

Сельское хозяйство Гродненской области считается в Белоруссии передовым. Колхоз «Коммунар», в котором работает Турайкевич, и в области, и в районе считается «средним». Но трудяги его весомы, заработка полны, доходы исчисляются миллионами. В селе красивый, просторный клуб, добротные хозяйственные постройки. Завалена казачья колхозная портишка. Строится интернат. Почти все колхозники живут в новых или капитально перестроенных домах.

Здесь не жалуются ни на быт, ни на заработок. И все же колхозными делами сельчане недовольны, остро критикуют организацию производства. Это недовольство идет от сравнения не с прошлым, а с настоящим лучшим, передовым хозяйством. Во время разговора то и дело слышались:

— Сумели же в «Расцвете»...
— В колхозе «Заветы Ильича» на гектар паханы...
— Не мирятся сегодня осташевцы с тем, что достижения агрономии, опытников, лучших артелей почти не доходят к ним, не сказываются на колхозных полях и фермах.

— Придешь к бригадиру, — рассказы-

ПРОФЕССИЯ ВЫБИРАЕТСЯ В ШКОЛЕ

ЭТИ двое впервые поселились за городом. Как старательно выполняют они задание учителя! Много нового, интересного сулит школьная жизнь первоклассникам Марине Стафанович и Саше Новикову.

Но пройдет восемь лет, и этим детям в руках, мелкою дергающим шнуром цветные карандаши, будут доверены микроскопические детали и тонкие инструменты, которыми уже умело орудуют их старшие товарищи — ученики 9, 10, 11-х классов. Им то уже пора позаботиться о своей будущей профессии.

Впрочем, раньше, чем они об этом подумали, за них беспокоились их школьные руководители. Два года назад директор 155-й школы Ленинградского района Москвы договорился с директором 2-го часового завода о том, что ученики старших классов будут параллельно занятиям овладевать рабочей профессией. Каждый из них выбрал себе специальность по душе.

Двухгодичный опыт оказался удачным. Школьники после короткой подготовки выдали трудовые книжки и стали оплачивать работу согласно разряду. Инструменты юношей и девушек по окончании школы остались работать на заводе.

Последует ли их примеру Илья Антонова из 11-го класса — вот эта задача в белой юбке? Думается, да. Писательница внимательно слушает указания инженера Р. Антоновой.

И не правда ли, между Надей и ее маленькими товарищами на первом фото есть что-то общее в их деловой сосредоточенности? — Учиться всегда интересно!

Фото М. Трахмана

Я ВСПОМНИЛ ЭТОТ СЛУЧАЙ ПО НЕОЖИДАННОМУ ПОВОДУ.

В одном ведомстве за небольшим столом сидела милосердная девушка и согласно року своей деятельности задавала вопросы посетителям. Вопросы касались года рождения, пола, образования и других довольно примитивных вещей, из которых состоит наша биография. Посетители были молоды, жизнерадостные, но девушка уместливо была на маленькую девочку, и дело у девушки шло легко, без запинки.

В таких случаях очень хочется, чтобы к столу подошел человек о двух головах, или коренной маршаньи, или хотя бы автор песенки «Саша, ты поминишь наши встречи?». Хочется, чтобы кто-нибудь развел бедную девушку своим неожиданным появлением, чтобы она подняла свои прекрасные глаза и удивилась.

И вот маршанья пришел. Это был человек молодой человек, застенчивый, как все молодые маршаньи, попадающие в земное присутствие. Он назвал свое имя, свой юный возраст и проявил полную готовность отвечать.

— Знание языков? — спросила девушка, не поднимая головы.

— Английский, немецкий, французский, — тихо ответил маршанья, — испанский, португальский... Девушка писала. Молодой человек скромно вздохнул и продолжал:

— Китайский, японский, арабский, персидский... — Еще какие? — сурово спросила девушка, не поднимая головы и беря дополнительный листок.

И тогда тихий, скромный, застенчивый посетитель растерялся. Всею свою молодую жизнь он изучал языки. Он знал языки почти столько, сколько у него было сознательных лет жизни. Его знания поражали специалистов. С ним здоровались за ручку севастопольские филологи. И вот теперь сидит юный существо, перед которым ему стало как-то неловко за всю свою бесцельно прожитую жизнь.

— Еще какие? — жестко повторила девушка. — А не знаете больше, так и скажите... И маршанья горько раскасался в своем дилетантском невежестве. Слушайте, милая девушка! Да подумайте же вы голубы и хоть посмотрите на человека, изучившего столько языков! Ведь не каждую секунду подходил к вашему столу такие оригиналы. Но девушка не подняла головы. Она писала. Писала старательно, как будто описывала мебель.

Я вспомнил этот случай по совершенно неожиданному поводу. В эти дни я был в Казе. Осенних пассажиров было немного, и все они были очень почтенные люди. Я обращаю внимание на их почтенность, чтобы поддержать, как они металась по палубам, как они спорили, как они ждали обещанных диванов часов юти, когда под звуки советского Государственного Гимна должен был произойти это событие.

...И когда наступило одиннадцать

Романские души

ФЕЛЬЕТОН

какие обкрадывают сами себя, о людях, которые словно приняли безмолвный обет сделать свою жизнь пошлой, скучной и тупой, как кастанора.

Наш чистенький, беленький пароход семенит плитами по прекрасной реке. Перед нами вырастал небольшой городок, скрывающийся за холмом и выставивший в качестве своих ворот дебаркадер. Это был ужасный дебаркадер. Он был грязен по своему глубокому существу.

И наш пароход застал: ему было страшно подходить к этому дебаркадеру. Он с отвращением отталкивался своими краями, он мучительно вырывался на волю, и четыре заспанных ладки в засадах канатей долго прикручивали его канатами, пока он не затих.

И за дебаркадером была грязь. Задумчивая, гнетущая грязь, та самая грязь, которая происходит от бедности, а от свинства. Три вылинявшие тряпки безразлично хранили на себе следы цифр, сообщавших о великом семилетнем плане. Рядом торчало несколько хлыстов, изображавших дерево насаждения. Каждый хлыст был огорожен мочегучей клеткой, на которую ушел кубометр дров. И несмотря на эти стратегические меры, три хлыста из четырех были переломлены.

А в центре стояло руководящее здание и со слезным безразличием коилось на это издевательство над природой.

Тяжелый сон бродил по грязным улицам, и если бы не приметы времени, выражавшиеся в мочугих портовых краках, в каких-то трубах, выбрасывающих дым, — можно было подумать самые страшные вещи о смещении эпох. Мне показалось, что в этом городе не было ни одного молодого человека, ни одной веселой девушки, ни одной яркой краски...

А в мире происходит удивительные вещи. Вокруг Земли летает искусственный спутник. Люди познают немислимый груз наук. Сибиряки выращивают виноград. На Луну летят ракеты. По полюсу ездят тракторы. Из угля делается духи...

— Слушайте, — сказал я, — неужели вы в самом деле выключаете приемник? — Уже выключил.

— Но как же так? — произнес я, искательно заглядывая ему в глаза, — сейчас же произойдет событие, которого ждало все человечество! Какое еще событие? — заспанным спросил радист.

— Ну как же! Вы ведь уже два дня транслируете передачи о полете ракеты на Луну! С минуты на минуту она прилетит. Об этом будет специальное сообщение...

— У меня есть инструкция, — холодно ответил парень.

— Ну хорошо, — согласился я. — Пусть инструкция запрещает слушать радио всем пассажирам, оберегая их покой. Но сами-то вы неужели не будете слушать? Неужели это вам не интересно? — Гражданин, сюда посторонним вход воспрещен! — нашлась пареня. И я, сраженный его находчивостью, удалился...

Нет, дорогой читатель. Мы все-таки слушаем радио. Мы пошли к капитану, мы, как говорится, подняли шум и радиста заставили нарушить инструкцию. Но это чудовищное, космическое безразличие в молодом человеке, в грамотном парне, в парне, который первым узнает новости, как-то подавало нас.

И вот хочется поговорить о людях,

как не мог оторваться от машины. На ней он больше десятилетия участвовал в гонках. Клерфэ посмотрел на него.

— Ты хорошо выглядишь, — сказал он. — Я думаю, что ты в постели. Здесь скорее отель, чем санаторий.

— Это входит в курс лечения. Прикладная психология. Два слова здесь в горах табу — болезнь и смерть. Одно из них слишком старомодное, другое — слишком само собой разумеющееся.

Клерфэ рассмеялся: — Похоже на то, как у нас. Правда? — Да, похоже на то, как было у нас внизу. — Хольман отвернулся от машины. — Входи, Клерфэ! Хочешь выпить? — А что здесь есть? — Официально только соки и минеральная вода. Неофициально, — Хольман постучал по боковому карману, — у нас есть плоские бутылки с джином и коньяком, которые легко спрятать; благодаря им апельсиновый сок больше радует душу. Откуда ты? — Из Монте-Карло.

Хольман остановился. — Там были гонки? — Ты что, не читаешь спортивной хроника? Хольман отвернулся. — Вначале я их читал. А в последние месяцы уже нет. Идиотизм, правда? — Нет, — ответил Клерфэ. — Правильно! Будешь читать, когда снова начнешь ездить. — Кто ездил с тобой в Монте-Карло? — Торриани.

— Торриани? Ты с ним сейчас постоянно ездил? — Нет, — сказал Клерфэ, — я езжу с одним, то с другим. Иду тебе, — Он говорил правду. Вот уже полгода, как он ездил с Торриани; но так как Хольман не читал больше спортивной хроника, ему можно было спокойно солгать. — Все мы ждем тебя, — добавил он.

— Действительно? Вы меня еще не забыли? — Не забуду друком.

Хольман сиял. — Как было в Монте-Карло? — Никак. Поршни заело. Я выбыл.

— С «Джузеппе»? — Нет, с его младшим братом, «Джузеппе» тебе отомстил. — Хольман засмеялся; для него было лучшим лекарством узнать, что Клерфэ не победил с его приемником. Он хотел продолжать рассказ — в один миг к нему вернулась прежняя восторженность, но Клерфэ поднял руку: — У вас тут два табу, прибавим к ним еще одно — не говорить о гонках.

— Но, Клерфэ! Это же совершенно невозможно. Почему? — Я устал. Я приехал сюда отдохнуть и хоть несколько дней не слышать об этом безобразии, будь оно проклято! Не хочу слышать,

Эрих-Мария РЕМАРК

ЖИЗНЬ ВЗАИМЫ

Гамбургский журнал «Кристалл» приступил к публикации нового романа известного немецкого писателя Эриха-Марии Ремарка «Жизнь взаимны». Как сообщили нам в редакции «Кристалла», на днях автор передал журналу последние главы своей книги, которая будет восторженно встречена читателями до начала будущего года. Действие романа «Жизнь взаимны» происходит в послесловный период, главным образом в один из курортных районов Швейцарии. Основные герои книги — профессиональный зонтик-автомобилист Клерфэ и заблуждающаяся тяжелой формой туберкулеза Лидия Дюжарк. Сам автор охарактеризовал только что законченную им книгу следующими словами: «Мне кажется, что это будет одним из моих основных произведений». Сегодня мы публикуем начальную главу из романа «Жизнь взаимны».

ОСТАНОВИВ машину у заправочной станции, перед которой был расцвечен снег, Клерфэ поспешил. Над телефонными столбами каркали ворона, а в маленькой мастерской позади заправочной станции кто-то стучал по жесту. Когда стук прекратился, оттуда вышел шестидесятилетний паренек в красном свитере и в очках в стальной оправе.

— Заправь бак, — сказал Клерфэ, вылезая из машины.

— Высший сорт? — Да. Где здесь можно поест? — Большим пальцем юноша показал через дорогу.

— Там, в гостинице. Сегодня в обед у них был холодец с кислой капустой.

Столовая в гостинице не протвердила, здесь пахло старым пивом и долгой зимой; Клерфэ заказал себе мясо по-швейцарски, вагнерский сыр и графин белого эля; он попортил подать еду на террасу. На улице было не очень холодно. Небо казалось огромным и голубым, как цветы горчички.

— Не окант ли мне вашу машину из планга? — крикнул паренек с заправочной станции. — Биди бот, старуха в этом чудакиста. — Нет, только починить ветровое стекло. — Машину не мнги уже много дней, и по ней это можно было сразу заметить. После ливня красная пыль поберезья, покрывшая в Сан-Рафаэле радиатор и крылья, стала походить на рисунок на ткани. К тому же на дорогах Шампани на кузове появились известные брызги

от луж, и машину залепило грязью, которую разбрасывали задние колеса многочисленных грузовиков, когда их обгоняли.

«Зачем только я сюда приехал, — подумал Клерфэ, — кататься на лыжах, пожалуй, уже поздно. Значит, ради сострадания? Сострадание — плохой спутник, еще хуже, когда оно становится целью путешествия».

Он встал. — Это километры? — спросил паренек в красном свитере, указывая на спидометр. — Нет, мили.

Паренек вынул. — Как же вас занесло в Альпы? Почему вы свиниш скакнули не на австраде? Клерфэ посмотрел на него. Он увидел блестящие стекла очков, вздернутый нос, прыщи, отпорченные уши; увидел существо, которое только что сменяло медальную детства на все ошибки полувзрослого состояния.

— Не всегда составляешь правильно, сын мой. Даже если сам поздравляешь. Но именно в этом иногда заключается радость жизни. Понял? — Нет, — ответил мальчик, поднимая нос. — Как тебя зовут? — Геринг.

— Геринг. — Геринг. Мальчик оскалил зубы, переднего зуба не хватало.

— Но по имени Губерт. — Родственник того... — Нет, — прервал Губерт, — мы базельские Геринги, если бы я был из тех, мне не пришлось бы качать бензин. Тогда мы получали бы жирную пенсню,

Клерфэ испытующе посмотрел на пареня.

— Странный сегодня день, — сказал он по-медленно. — Кто бы мог этого ожидать? Желаю тебе счастья в твоей дальнейшей жизни, сын мой. Ты меня поразила.

— А вы меня нет. Вы ведь гончик, правда? — Откуда ты знаешь? Губерт Геринг показал на почти стертый номер на покрытом грязью радиаторе.

— К тому же ты еще и мыслитель. — Клерфэ сел в машину. — Может, лучше заблаговременно упрятать тебя в тюрьму, чтобы забыть человечество от нового несчастья. Когда ты станешь премьер-министром, будет уже слишком поздно. — Он завел мотор.

— Вы забыли заплатить, — заявил Губерт. — С вас сорок две монетки.

— Монетки! — Клерфэ отдал ему деньги. — Это меня очисти успокаивает, Губерт, — сказал он, — в стране, где деньги называются ласкательными именами, никогда не будет фашизма.

Машина быстро взобралась на гору, и вдруг перед Клерфэ открылась долина. Распивчатосия в сумеречном свете, долина с разбросанными кое-где деревенскими домиками, со зданиями отелей, белыми крышами, покосившейся церковью, катками и первыми огоньками в окнах домов.

Он поехал вниз по извилистой шоссе, но через несколько минут обнаружил, что со свистом несладко. Прислушиваясь, Клерфэ заставил мотор несколько раз взрваться. «Залило маслом», — подумал он и остановил машину, как только выехал на примую. Раскрыв капот, он несколько раз нажал на ручной акселератор. Мотор опять заревел.

Клерфэ выпрыгнул.

В ту же секунду он увидел пару напряженных в санки лошадей, которые рысью бежали ему навстречу; от визгального шума они понесли. Поднявшись на дыбы, лошади рванули санки и поставили их поперек дороги у самой машины. Клерфэ подскочил к лошадям, хватаясь за узды и повис на них так, чтобы его не могли достать лошадиные копыта. Сделав еще несколько прыжков, лошади остановились. Они дрожали, над головами поднимались пар от их дыхания; у них были испуганные, безумные глаза, и казалось, что это не лошадиные головы, а головы каких-то допотопных животных. Клерфэ держал лошадей несколько секунд. Потом он осторожно отпустил ремни. Лошади не двинулись с места, фыркая и позванивая колокольчиками.

Высокий мужчина в шапке из черного меха, стоя в санках, успокаивал лошадей. На Клерфэ он не обращал внимания. Позади него сидела молодая женщина, ухватившаяся за поручни сиденья. У нее было загорелое лицо и очень светлые, прозрачные глаза.

НОВЫЕ СТИХИ

Виктор БОКОВ

НЕ СТАРИННАЯ САМАРА

Некий скептик осушал Содрожимое фуэжера. В пьяном виде вопрошал: — Что Россия? Царь и вера! Мед, водина, лен, пенка, Колокольчик, дар Валдая, Балалайка паренья, — Кипит вятского дедея, Илев овец и башмаков, Подполосанное личико, Трехобхватный самовар, Трехобхватная купчиха, Целомудренная дала, погост, Воры, нищие и храмы... — Были версты — нету верст! Километры, килограммы, Киловатты, рев турбин, От ракеты тень косая, Труд, когда он властелин, Всю землю потрясает. Изменился на корню Самарская старина. Я на праздник стою Там, где волжская плотина. Улица среди воды! Тубейкин, платяи, блузки, Жигулевские сады И дрова в башковом русле. Миллионы вилочек Разбегаются по свету. Ходит тот, кто виноват, Кто возвел плотину эту. Не старинная Самара, Не чай у самовара — Вой воды в бетон и сталь. Можно ли не разметить язуру, Как шагают матчи в гору, В электрическую даль?!

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

Поле деятельности критики — современность

ОТКРЫВАЮЩАЯ восьмой номер журнала «Вопросы литературы» статья С. Гайсарьяна «После Третьего съезда писателей» продолжает большой разговор о критике, начатый на трибуне съезда. У нашей критики есть несомненные заслуги, говорит автор статьи, однако, трезво оценивая ее состояние, «нельзя не признать, что она все еще отстаёт от задач времени». В чем причины такого отставания? Это и недооценка роли критики в писательской среде, и уход многих квалифицированных критиков в исследование истории литературы, а отсюда — невнимание к проблемам литературы современной. Критике не хватает умения судить о литературе с позиций жизни, не хватает публицистичности и теоретической вооруженности. Справедливы упреки С. Гайсарьяна критикам, которые, игнорируя вопросы писательского мастерства, прощают художественные слабости произведения во имя его темы. «Должно быть, еще живет непреодоленная склонность видеть, с одной стороны, в произведении только искусство слова, с другой — только тематическое содержание. Но недопустимо, чтобы одних критиков интересовала лишь форма, как сделано произведение, других — только то, что оно говорит и зачем. Все эти три вопроса превращаются художественному произведению слитно». Статья С. Гайсарьяна носит деловой характер, автор предлагает конструктивные меры, которые могут укрепить силы профессиональной критики. Статья С. Гайсарьяна — программное выступление журналиста «Вопросы литературы», свидетельствует о том, что журнал, который нередко упрекали в отрыве от современности, в академизме, «о о еще не изжитых недостатках «Вопросов литературы» справедливо пишет и автор статьи, — усилил внимание к актуальным проблемам литературного развития наших дней. Главное поле деятельности критики, говорится в статье, — современность, первейшая ее задача — «помогать писателю художественно осваивать современную действительность».

КРУЖЕВНИЦА

Раньше думали: воля господ Управляет ульем ума. С этим девушка вологодская Не согласна: она сама! — Как зовут тебя, девушка? — Августа. Вот уж год я в артели плету. Друг мой северный, слушай и радуйся, Здесь колашки поют на лету. За ресницами очи серые, Неожиданные, как весть. Скользя в них милой скромности севера, Целомудрия здешних мест. Мастерская наполнена гомоном — Кружева, кружева, кружева. Цех не очен-то важный, не доменный, Но и в нем память предков жива. Замечательное плетение. Открывается мир чудес! Это, собственно, изобретение. Мастерство кружевных поэтов. В стекла окон стучатся синицы, Говорят за мембраною рам: — Не забудьте о нас, кружевницы, Дайте место в узорах и нам!

Гафур ГУЛЯМ Тому, кто служил народу, — забвенья нет

(К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЗАКИРДЖАНА ФУРКАТА) К СЕРЕДИНЕ XIX века территория моей республики была разделена тремя карликовыми правителями на Коканд, Бухару и Хиву. Правители называли себя беками, ханами, эмирами, амралмуслиманами и другими пышными санями и чинами. В действительности они были грабителями и паразитами, бесчестными, безбоязными, бесстыдными. Народ искал спасителя, но еще не знал его имени. И только наиболее дальновидные умы, как Ахмед Даниш, Мукими, как Закирджан Фуркат, столетие со дня рождения которого мы сейчас отмечаем, знали это имя. Указывая на север, они говорили: русский. Вместе с русскими к нам пришла первая железная дорога, в городах и кишлаках задымилась первая заводские трубы, вышла первая русско-узбекская газета, появились первые русско-узбекские школы, где обучались грамоте многие писатели старшего поколения, в том числе Хамаз Хаким-заде. Я тоже учился в такой школе. Теперь, когда так крепко вошла в сознание, сцементировалась и выдержала не одно испытание нерушимая дружба русского и узбекского народов, как не вспомнить добрым словом ее первых пропагандистов. А одним из первых был кокандский поэт Закирджан Фуркат. Фуркат искренне любил русский народ, русскую книгу, русскую культуру. Он выучил русский язык, был хорошо знаком с творениями Пушкина и Лермонтова. Среди произведений Фурката выделяется небольшая поэма «Суворова», в которой с большой симпатией нарисован образ великого русского полководца, скромного седого воина, близкого к солдатским массам. Однако чиновники царской администрации, с которыми сталкивался Фуркат в жизни, были далеки от тех русских, кого любил и уважал поэт. И вот Фуркат обрушивался на них едкой сатирой. Так появилась его стиха, высмеивающие адынташского генерала-губернатора, появилась его сатира на тахтешенского кади Шарарходжу... Просветитель Фуркат чутко реагировал на новое в жизни. Он писал стихи о достижениях науки, техники, промышленности. Таковы его «Лирические репортажи», как бы мы назвали сейчас, «О выставке в городе Ташкенте» или стихотворения «Гимназия», «О науке». О юности! Сейчас столетье таково, Что входит в нашу жизнь, как в сказке, волшебство.

Язык мой — враг мой

Так говорит пословица. Так могут сказать и некоторые литераторы и журналисты, по неаппетитности или неумению напечатать русскую речь. Несмотря на тщательное расследование и поголовный обыск личных вещей всех солдат, не удалось обнаружить даже следа виновенных. А. Грачев, «Писатели России». Изд-во «Молодая гвардия», 1956 г. Однако не все ослеплены звоном монеты. Журнал «Иностранная литература», 1959 г., № 3. Хроника. Уже наполнены водой и зарыбаются пруды и бассейны. «Вечерняя Москва», 16 мая 1959 г. Время озимого сева уже давно наступило, а семена все еще стоят на корню. Газета «Ленинское знамя», 23 августа 1958 г. Название статьи: «Работа с доской как средство активизации учащихся». «Русский язык в школе», 1958 г., № 6.

Россия принесла земле счастливый век, Наукою теперь владеет человек...

Россия принесла земле счастливый век, Наукою теперь владеет человек... Ученые умы воздыгла телеграф. И слышно я его, удае паша избрав. О юности! Затмил предания прошлых лет Российской мудрости неощенный свет. Изобретениями науки нет числа, — Нам их великая Россия принесла. (Перевод С. Сомовова). Фуркат занимался не только литературной деятельностью, он был разносторонне образованным человеком с широким кругом научных интересов — он обращался к истории, астрономии, естественным наукам. Он дружил со многими русскими учеными. Демократические настроения Фурката, естественно, не могли нравиться местным реакционным кругам и властям. Назревало столкновение, грозившее Фуркату опасными последствиями. Наиболее разумным выходом из положения Фуркат считал отъезд из Ташкента за границу. Я не думаю, чтобы он был в обиде на русский народ за свое изгнание. Фуркат хорошо чувствовал, что царские чиновники и простой русский народ — не одно и то же. В 1905 году в газете «Песан ахбор», издававшейся в Лахоре (ныне Пакистан), поэт прочитал статью, порочащую часть русского солдата после поражения царского правительства в русско-японской войне. Это было не по душе автору поэмы «Суворова», и он выступил в «Туркистон вильоятининг газети» с резкой ответной клеветникам, певшим на британско-имперский манер. Поэт побывал в Турции, Болгарии, на Аравийском полуострове, в Индии, а затем поселился в городе Яркенде, в китайской провинции Синьцзян. До конца своей жизни он сохранил русское подданство. Фуркат был страстным поборником дружбы между народами всего мира. В одном из стихотворений 1905 года он приветствовал многолетнюю дружбу между русским и китайским народами. Если они объединятся, утверждал Фуркат, — будет мир во всем мире. Умер Фуркат в 1909 году в Яркенде. Мы, узбеки, пользуемся сейчас случаем еще раз поблагодарить брагский утурский народ, бережно сохраняющий память о нашем великом поэте, построивший ему в народном Китае гробницу. Мы помним Фурката. Мы слушаем по радио его замечательные песни, школьники и студенты изучают его творчество, его именем назвали улицы и библиотеки в Ташкенте, а в Коканде — парк. Людям, подобно Фуркату, посвятившим себя служению родному народу, — нет забвения.

Обложка книги работы Т. Мавриной.

В ПЕРВЫЕ я увидел рисунки и акварели древних городов и деревень русского севера, чудесно, сказочно прегворенных искусством Т. Мавриной, а на персональной выставке, а у нее дома, в уютной, хотя и тесноватой светелке на Колхозной площади в Москве. Должен прямо сказать, что я был просто очарован зрением этого единственного по своему подбору фантастического по расцветке собрания картин-лубков, привезенных Татьяной Александровной из своих поездок по русскому северу. Чтобы именно так увидеть и передать всю эту древнерусскую красоту, надо было обладать тем особым даром, каким богато наделен автор всех этих крошечных листочков-самодеток. Посетители выставки, развернутой в зале Союза художников на Кузнецком мосту, будут тщетно искать на них обычные карандашные следы от линеек. Их нет и в помине, ибо все сделано кистью и краской, увереной мастерской рукой, что дает им особую прелесть. Вот два облика Борисоглебска, один с башнями, другой с церквями и домиками. — не знаешь, которому отдать предпочтение. Есть такие чудесные уголки, как деревенька под Вологодом с древней, чудом уцелевшей избой. Много листов художником уделено Переславлю-Залесскому, Александру, Вологде, Загорску, Волоколамску, Коломне. Акварели и гуаши Т. Мавриной, явившиеся результатом ее многократных поездок, задуманы автором как своеобразный «подсобный материал» для ее иллюстраций к сказкам. За 15 лет он разросся в самостоятельный цикл, представляющий едва ли не самый значительный раздел ее творчества. На каждом, даже самом маленьком клочке запечатлена неповторимая мимолетность: мелькнувшая по дороге ветряная мельница, северная деревенька, хоздец с муравлем, одинокая березка, приметия времени года, колорит местности. Т. Маврина тонко чувствует красоту архитектурных форм наших древних памятников, но любит изображать их не изолированно, а в окружении современной. Свообразная прелесть провинциального «райгорода» с его остатками древнего кремля, у стен которого идет оживленная базарная суетола, старые торговые ряды с новыми магазинами, деревянные провинциальные домики с их затейливой узорной резьбой — все это передано в акварелях Мавриной остро и наблюдательно. Русская старина и русская провинция служили и в прошлом для многих художников неиссякаемым источником их вдохновенного творчества. Цикл Мавриной вносит в эти традиционные темы свои особые качества: яркую праздничность, изощренное чувство цвета и драгоценный дар — даже знакомое увидеть заново, по-новому, «по-маврински», так, как будто никогда до этого невиданное, как новый мотив еще неизвестной, впервые услышанной народной песни. Это — совсем не архитектурные «документы». Это прежде всего лирический дневник, передающий зрителю трепетное волнение художника от смелых очертаний перед глазами путевых картин. Это живые впечатления от «впечатлений увиденного». Игорь ГРАВАРЬ

На этой неделе

На выставке Т. Мавриной. Новая программа Аркадия Райкина.

Дневник художницы

Вот два облика Борисоглебска, один с башнями, другой с церквями и домиками. — не знаешь, которому отдать предпочтение. Есть такие чудесные уголки, как деревенька под Вологодом с древней, чудом уцелевшей избой. Много листов художником уделено Переславлю-Залесскому, Александру, Вологде, Загорску, Волоколамску, Коломне. Акварели и гуаши Т. Мавриной, явившиеся результатом ее многократных поездок, задуманы автором как своеобразный «подсобный материал» для ее иллюстраций к сказкам. За 15 лет он разросся в самостоятельный цикл, представляющий едва ли не самый значительный раздел ее творчества. На каждом, даже самом маленьком клочке запечатлена неповторимая мимолетность: мелькнувшая по дороге ветряная мельница, северная деревенька, хоздец с муравлем, одинокая березка, приметия времени года, колорит местности.

На этой неделе

На выставке Т. Мавриной. Новая программа Аркадия Райкина.

Дневник художницы

Вот два облика Борисоглебска, один с башнями, другой с церквями и домиками. — не знаешь, которому отдать предпочтение. Есть такие чудесные уголки, как деревенька под Вологодом с древней, чудом уцелевшей избой. Много листов художником уделено Переславлю-Залесскому, Александру, Вологде, Загорску, Волоколамску, Коломне. Акварели и гуаши Т. Мавриной, явившиеся результатом ее многократных поездок, задуманы автором как своеобразный «подсобный материал» для ее иллюстраций к сказкам. За 15 лет он разросся в самостоятельный цикл, представляющий едва ли не самый значительный раздел ее творчества. На каждом, даже самом маленьком клочке запечатлена неповторимая мимолетность: мелькнувшая по дороге ветряная мельница, северная деревенька, хоздец с муравлем, одинокая березка, приметия времени года, колорит местности.

Райкин без Райкина

НИКТО не скажет «Сегодня я иду на новый спектакль Ленинградского государственного театра миниатюр». Каждый скажет: «Я иду на Райкина». И вот вы за неделю до этого выставили длинную очередь у кассы и уже заранее настроены хорошим образом, заранее готовы к тому лирическому общению, способному к которому составление и самое привлекательное в таланте этого замечательного артиста, «виртуоз трансформации» — ведь, правда же, сухими и скучными кажутся вам эти вообще-то верные определения, когда они даны Райкину? Да, мастер. Конечно, виртуоз. Но не в этом дело. Райкин — это своя тема. Райкин — это особый лирический герой. Райкин не создал маски — он создал сценический характер с его конфузливой задумчивостью и молодой мечтательностью, с внезапной смелостью его интонаций — приподнятых и осуждающих, веселых и горьких. А еще вернее, Райкин остался самим собой, сумев раскрыть себя. В этом — источник его творческого счастья, главного объяснения нашей к нему любви. В этом — его право на театр одного актера! И нечего бояться такого театра! «Райкин не дает играть другим... Райкин не хочет отойти от обычной эстрадной программы, не ищет лес с единым сюжетом... Райкин не ищет новых форм... И вот — о, радость! — мы видим Райкина в новом спектакле, где учтены все эти замечания, где есть и первое, и второе, и третье. Драматурги В. Масс и М. Червинский написали пьесу «Любовь и три апельсина» по мотивам сказки К. Гоцци, режиссер А. Гутынский поставил сказочное представление в двух отделениях». Райкин определил место в обычном списке действующих лиц, где имя героя напечатано слева, а фамилия актера

В. ШИТОВА

На сцене: сцена из спектакля Ленинградского государственного театра миниатюр «Любовь и три апельсина».

У столычной театральной афиши

«ОТКРЫТИЕ сезона». Эти два слова прежде всего привлекают внимание на свободной афише московских театров. Уже с месяц переключивают от одного названия театра к другому, свидетельствуя, что московские театральные коллективы один за другим вступают в боевой строй. Некоторые вступают со спектаклями, уже проверенными, испытанными на публике, как «Обвинения» П. Чайковского и «Периколла» Ж. Оффенбаха в Музыкальном театре имени народных артистов Союза ССР К. С. Станиславского и Вл. И. Мейерхола-Данченко. На их афишах гордо стоят цифры многолетних представлений: 1231, 1922. А бывает и так. Еще с вами в памяти афиша премьеры, а на стендах уже читаем сообщение о сотом или даже четырехсотом представлении, как «Мартин Стюарт» Ф. Шиллера во МХАТе и «Соседи по квартире» Л. Гераскина в Московском театре драмы и комедии. Следующий добрый московский традиция, многие театры открывают сезон новыми постановками — и что особенно радостно — современную тему. Московский драматический театр предложил вниманию зрителя сразу две свои работы: «Среди девичьих затуманенных...» В. Курочкина и Б. Равенских и «На нашей улице» Э. Брагинского. Центральный детский театр начал сезон спектаклем «Торпедный корабль 230» Ю. Тучалы.

как людей заставляют мчаться с бешеной скоростью на слишком быстрых машинах. Хольман внимательно посмотрел на него. — Что-нибудь случилось? — Нет, но я суевверен. Мой контракт истекает и еще не возобновлен. Вот и все. — Клерфэ, — сказал Хольман спокойно, — кто разбил? — Сильва. — Умер? — Еще нет. Если ему повезет, он отделается ампутацией ноги. Но та сумасшедшая, которая с ним повсюду развешивала, — самозванная баронесса, отказывается видеть его. Она сидит в казино и рвет. Ей не нужен калек. А теперь пошли, и дай мне джинну. Они сидели за столиком у окна. Отгив нежного апельсинового сока, Клерфэ под столом допил в свой стакан джинну. — Как на школьной экскурсии. Последний раз я делал это тогда. Пяťсот лет назад. Хольман забрал у него плоскую бутылку. — Гостиам дают спиртное. Но так проще. Клерфэ огляделся вокруг. — Здесь все больные? — Нет. Есть и гости. — Те, кто с бледными лицами, это — больные? — Нет, это — здоровые. Они такие бледные потому, что приехали только сейчас в горы. Сколько ты сможешь здесь пробыть? — Два-три дня. Где тут живут? — В Палас-Отеле. Там хороший бар.

прошли совсем вплотную от Клерфэ и Хольмана, оживленно переговариваясь по-испански. — Для маленькой деревушки вы тут слишком интернациональны, — заметил Клерфэ. — Это правда. Смерть все еще не стала шovinисткой. — В этом я не так уж уверен. — Клерфэ увидел, как женщина на улице вылезла из санюк. Потом он посмотрел в лицо Хольману. — Что с тобой? — спросил он. — Мировая скорбь? Хольман покачал головой. — Ничего. Просто иногда кажется, что все это заведение — одна большая тюрьма. Пусть солнечная и комфортабельная, но все же тюрьма. Клерфэ ничего не ответил. Он знал другие тюрьмы. Но он знал также, почему Хольман так подумал. Все дело было в машине, «Дукзеппе» его возволовал. Клерфэ вновь посмотрел в окно. Солнце стояло очень низко, окрашивая снег в мрачный красноватый цвет. Русский и женщина, переговариваясь, подошли к входу. — Это его жена? — спросил Клерфэ. — Нет. — Так я и думал. Она больна? — Да. И он тоже. — По ним этого не скажешь. — Так оно всегда бывает. При этой болезни некоторые время выглядят цветущими, как сама жизнь. И чувствуют себя соответственно. До тех пор, пока ты вдруг перестаешь так выглядеть, но тогда на тебя уже почти никто не глядит. Те двое вошли. Клерфэ показалось, что они в споре. Они остановились; русский что-то тихо и настойчиво говорил женщине. Постояв немного, она покачала головой и быстро пошла в глубь холла. Мужчина сделал движение, словно хотел последовать за ней, но потом снова вышел на улицу и сел в санки. — Он живет не здесь? — спросил Клерфэ. — Нет. У него тут близость дом. Допив свой стакан, Клерфэ встал. — Поеду в гостиницу, хочу умыться. Где бы нам поест вместе? — Здесь. Мне можно будет остаться потому, что целую неделю у меня нет температуры. Запрещено только выходить после захода солнца. Кормят у нас неплохо. На былинную еду не похоже. Гостиам дают даже легкое вино. — Ладно. А когда? — Как только сможешь. В девять мы ложимся. Совсем как дети. Да? — Нет, как солдаты. Отбой, и крышка! Нахмури серьезной гонки ведь тоже рано ложиться. Лицо Хольмана просветлело. — Конечно, это можно и так рассматривать.

ласа на каблучках и, увидев Хольмана, подошла к нему. — Крокодилка не хочет меня выпустить, — сердито пропела она. — Она утверждает, что вчера у меня была температура. И что я не должна была ездить на санках. Она говорит, что ей придется сообщить обо мне Далай-ламе, если я еще раз... Только теперь она заметила Клерфэ и остановилась. — Это Клерфэ, Лилян, — сказал Хольман. — Я вам про него рассказывал. Он приехал неожиданно. Прозрачные глаза женщины остановились на Клерфэ; казалось, она смотрит сквозь него. — Откуда вы приехали? — С Ривьеры. — Клерфэ не понимал, зачем ей это надо знать. Она опять повернулась к Хольману: — Крокодилка хочет уложить меня в постель, — сказала она взволнованно. — И Борис тоже. А как вы? Вы не ляжете? — До завтра нет. — Я тоже выйду. После вечернего обхода. Я не дам себя запретить! Только не сегодня ночью! Рассеянно кивнув Клерфэ, она вышла из холла. — Тебе все это должно казаться китайской грамотой. Далай-лама — это, разумеется, наш профессор. Крокодилка — старшая сестра... — А кто эта женщина? — Ее зовут Лилян Донкер. Разве я тебе не говорил? Она бельгийка, ее мать была французской. Родители у нее умерли. — Красивая женщина. Почему она так волнуется из-за пустяков? Хольман на минуту замолчал. — Так всегда бывает в санаториях, когда кто-нибудь умирает, — сказал он смущенно. — Ведь мертвый уносит частицу тебя самого. Какую-то долю надежды. Умерла ее подруга.

Верхние этажи санатория уже не походили на отель; то была больница Лилян Донкер остановилась перед комнатой, в которой умерла Агнеса Сомервилл. Услышав голоса и шум, она открыла дверь. Гроб уже вынесли. Окна были открыты, и две здоровенные уборщицы мыли полы. Плескалась вода, пахло лизолом и мылом, мебель была перевернута, и резкий электрический свет освещал все углы. Лилян остановилась в дверях. На минуту ей показалось, что она попала не в ту комнату. Но потом она увидела заброшенного на шкаф маленького плюшевого медвежонка; то был талисман покойной. — Ее уже увезли? — спросила она. Одна из уборщиц выпрямилась. — Из восемнадцатого номера? Нет, ее перенесли в седьмой номер. Оттуда ее увезут сегодня вечером. Нам надо здесь убрать. Завтра придет новенькая.

— Спасибо. Лилян закрыла дверь. Она пошла по коридору. Комнату номер семь Лилян знала. Комната была маленькая и находилась рядом с грузовым лифтом. В эту комнату переносили покойников, потому что отсюда их легко было спускать на лифте. Так же, как чемаданы, подумала Лилян Донкер. А потом все вымыла мылом и лизолом, чтобы от мертвых не осталось ни малейшего следа. Лилян Донкер снова оказалась в своей комнате. В трубах центрального отопления что-то гудело. Все лампы были зажжены. Я сошла с ума, — подумала она. — Я боюсь ночи. Боюсь самой себя. Что делать? Можно принять снотворное и оставить гореть свет. Можно позвонить Борису и поговорить с ним. Она протянула руку к телефону, но не сняла трубки. Она знала, что он ей скажет. Она знала также, что он будет прав; но какая в том польза, даже если знаешь, что другой прав? Разум дан человеку, чтобы понять: жить одним разумом нельзя. Люди живут чувствами, а для чувств безразлично, кто прав. Она пристроилась в кресле у окна. Мне двадцать четыре года, — думала она, — столько же, сколько Агнес. Но Агнес умерла. Уже четыре года, как я здесь наверху. А перед тем четыре года была война. Что я знаю о жизни? Разрушения, бегство из Бельгии, слезы, страх, смерть родителей, голод, а потом болезнь из-за голода и бегства. До этого я была ребенком. Я уже почти не помню, как выглядят города ночью. Что я знаю о море огней, о сверкающем по ночам мире улиц и проспектов? Мне знакомы лишь затмение и град бомб, падающий из неосвещенного мрака. Мне знакомы лишь вторжение оккупантов, поиски убежища и холод. Счастье? Как случилось это бесконечное слово, слышавшее некогда в ее мечтах. Счастьем ей казалась тогда кусок хлеба, убежище, любое место, которое не обстреливалось. А потом она попала в санаторий. Лилян пристально смотрела в окно. Внизу, у входа для поставщиков и прислуги, стояли сани. То были сани крематория. Скоро вынесут Агнесу Сомервилл. Год назад она подвела к главному входу санатория, смеющаяся, в мехах, с охалками цветов; теперь Агнеса покидала дом через служебный вход, как будто не уплатила по счету. Всего лишь недель назад она вместе с Лилян еще строила планы отъезда. Отъезд! Это был никогда не достиганный фантом, мираж. Завонил телефон. — Поем, Лилян, она сняла трубку. — Да, Борис? — Она внимательно слушала. — Да, Борис. Да, я веду себя разумно... да, я знаю, что нам это только кажется, потому что мы все тут живем вместе... да, ямине выключаются... да, да... новые средства... да, процент людей, умирающих

внизу, в городах, гораздо выше... да, и это мне известно; я знаю, что в войне погибли миллионы... да, Борис, хотя их, вероятно, было слишком много; возможно, мы видели чересчур много смертей, да, я знаю, что к этому надо привыкнуть, но для некоторых это, наверно, невозможно... да, да, Борис, я веду себя разумно... обязательно, нет, не приходи... да, я тебя люблю, Борис, конечно... Она положила трубку. — Вести себя разумно, — пропела она, посмотрев на часы. Было около девяти. Перед ней простиралась нескончаемая ночь. Она поднялась. Только бы не остаться одной. В столовой еще должны быть люди. Кроме Хольмана и Клерфэ, в столовой сидело еще трое южноамериканцев. Двое мужчин и одна довольно толстая маленькая женщина. Все трое были одеты в черное; все трое молчали. Они сидели посередине комнаты под яркой лампой и походили на маленькие черные холмики. — Они из Боготы, — сказал Хольман, — дочь того мужчины в роговых очках при смерти. Им сообщили об этом по телеграфу. Но с тех пор как они приехали, ей стало лучше. Теперь они не знают, что делать — лететь обратно или остаться здесь. — Почему бы не остаться одной матери, а остальных увезти? — Толстуха не мать ей. Она — мачеха. Мануэла живет здесь на ее деньги. Собственно говоря, никто не хочет оставаться, даже отец. Все давно забыли Мануэлу. Вот уже пять лет, как она регулярно посылала чени, живя в Боготе, а Мануэла жила здесь и каждый месяц писала им письма. У отца с мачехой уже давно свои дети, которых Мануэла не знает. Всешло хорошо до тех пор, пока им не сообщили, что Мануэла при смерти. Тут уж, разумеется, надо было приехать ради их репутации. Но женщина не хотела, чтобы муж летел один. Она ревнива и понимает, что слишком толста. В качестве подкрепления она взяла с собой брата. В Боготе уже пошли разговоры, что она выгнала Мануэлу из дому. Теперь она решила показать, что любит падчерицу. Таким образом, дело было не только в ревности, но и в престиже. Если она прилетит одна, снова начнутся разговоры. Вот почему они сидят и ждут. — А Мануэла? — Когда они приехали, она ее горячо любила. И бедная Мануэла, никогда в жизни не знавшая любви, почувствовала себя такой счастливой, что стала поправляться. А теперь от них нервный голод, и они обжорасты сластями, которыми славится это местечко. Через неделю

Клерфэ увидел в окно санки и лошадей, которые понесли на шоссе. Они подбежали к входу. Оварка, левшащая в холле, бросилась через открытую дверь к мужчине в меховой шапке и прыгнула к нему на грудь. — Кто это? — спросил Клерфэ. — Женщина? — Нет, мужчина? — Русский. Борис Волков. — Советский? — Нет, белоземigrant. Дав разнообразия — этот не бедный и не из бывших великих князей. Его отец совершенно, до того как его расстреляли, открыл тенуций счет в Лондоне; мать явилась сюда с горстью изумрудов, каждый вечер личной с вишневою косточку, которые она не то проглотила, не то зашила в корсет. В то время еще носили корсеты. Клерфэ улыбнулся. — Откуда ты все это знаешь? — Здесь быстро узнаешь все друг о друге, стоит только побить подольше, — ответил Хольман с некоторой горечью. — Через две недели, когда кончится спортивный сезон, мы опять онаемся в маленькой деревушке, и так до конца года.

Несколько человек невысокого роста, одетых в черное, протиснулись к своему столу. Они

Женщина вернулась в холл. Она направилась было к выходу, но ее остановила седая дама, которая что-то энергично сказала ей. В ответ та горячо произнесла несколько слов, поверну-

Она внимательно слушала. — Да, Борис. Да, я веду себя разумно... да, я знаю, что нам это только кажется, потому что мы все тут живем вместе... да, ямине выключаются... да, да... новые средства... да, процент людей, умирающих

Она пристально смотрела в окно. Внизу, у входа для поставщиков и прислуги, стояли сани. То были сани крематория. Скоро вынесут Агнесу Сомервилл. Год назад она подвела к главному входу санатория, смеющаяся, в мехах, с охалками цветов; теперь Агнеса покидала дом через служебный вход, как будто не уплатила по счету. Всего лишь недель назад она вместе с Лилян еще строила планы отъезда. Отъезд! Это был никогда не достиганный фантом, мираж. Завонил телефон. — Поем, Лилян, она сняла трубку. — Да, Борис? — Она внимательно слушала. — Да, Борис. Да, я веду себя разумно... да, я знаю, что нам это только кажется, потому что мы все тут живем вместе... да, ямине выключаются... да, да... новые средства... да, процент людей, умирающих

ЖИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 119 28 сентября 1959 г. 3

МЫ ЛУЧШЕ УЗНАЛИ ДРУГ ДРУГА

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

штрихи могут быть дополнены интересными разговорами, которые удалось услышать вчера в Вашингтоне на большом приеме, устроенном в честь Н. С. Хрущева посольством СССР.

Беседу с известным поборником мира, общественным деятелем Робертом Он говорит: мы подготовили целую книгу обращений и писем к Хрущеву. И сегодня я преподнес ему эту книгу. В ней выражены все наши стремления к миру. Буквально через минуту после этого разговора я увидел Никиту Сергеевича, который подошел поздравиться с Сайрусом Итоном и его супругой. Позволил привести только одну фразу Сайруса Итона: «Вашу речь о разоружении надо издать на всех языках мира...»

А вот и наши горячие друзья — доктор Дюбуа и писательница Ширли Грэхэм. По их мнению, встречи Хрущева и Эйзенхауэра обязательно дадут хороший результат. Наконец, еще один старый знакомый: Ван Клиберн. Радостно улыбаясь, он охотно и долго говорит с группой советских журналистов. Первая тема, конечно, о связях наших двух стран. Ван Клиберн чувствует себя одним из пионеров таких связей, прежде всего — связей людей искус-

ства. Скоро он отправляется в большое турне, будет в Европе, потом, может быть, в Японии. Не исключена возможность, что заедет и в Советский Союз.

Во всех уголках зала в Советском посольстве царил эта атмосфера радости, дружбы.

Думается, что все эти небольшие, но характерные штрихи помогут советским читателям оценить итоги поездки Никиты Сергеевича по немногим, но важным центрам американской культуры. Итого эти, несомненно, значительны. Тот, кто увидел Америку своими глазами, может сказать много приятного гостеприимным хозяевам. Хороши их благоустроенные города. Нередко говорят, что американские города слишком похожи друг на друга, но нам были показаны разные, резко отличающиеся между собой. Величав, парадный Вашингтон. Поражает небоскребами, суетой, колоссальностью Нью-Йорк. Совершенно непохожи Лос-Анджелес и Сан-Франциско — два громадных города Дальнего Запада, два центра богатейшей своими ресурсами Калифорнии, про которую говорят: «У нее есть все». Почти идилическая зеленая Айова. Восточный центр Питтсбург, и черны от копоти его громадные промышленные окраины. Да, хозяева умело выбрали объекты осмотра, показав как бы шесть разных сторон своей страны.

В Америке много поучительного. Это прежде всего «сервис», то есть обслуживание бытовых потребностей постоянного жителя или туриста, от антики до бензиновых колонки, от гостиницы до маленького кафе. Хорошо работают железные дороги. Поезда ходят быстро. Отлично оборудованы аэропорты и самолеты гражданской авиации. Всюду идет оживленная торговля всем необходимым. Разнообразна архитектура жилых домов, как огромных городских зданий, так и маленьких коттеджей, в которых, несомненно, проживает большинство населения этой и не «одноэтажной», то скорее «двухэтажной» Америки.

Но нельзя не видеть и серьезных недостатков: они бросаются в глаза, и главный из них — дороговизна. Теперь мы, что называется, собственными глазами убедились, сколь неверны «подсчеты», выложенные господином Никсоном в Москве. Как, вероятно, помнят читатели, он называл средний заработок рабочего — девятью долларом в неделю, то есть триста шестьдесят долларов в месяц. Но мы убедились, что семья из четырех человек на триста шестьдесят долларов трудно свести концы с концами.

И если бы выкладки г-на Никсона были верны, то чем объяснить забастовку металлургов, продолжающуюся уже третий месяц? Упросто обеих сторон вполне объяснимо. Металлурги всегда были здесь авангардом рабочего класса, по которому равняются другие отрасли. Металлурги требуют повышения зарплат. Если они победят, то потеряют паразиты не только их непосредственные «хозяева», но и все капиталы штатов.

У нас, разумеется, есть и еще более серьезные критические замечания, относящиеся к «американской демократии», к способам выражения американцами своего мнения, к приемам давления на это мнение, к методам искусственного формирования общественного мнения. Однако это особая тема, принадлежащая к числу тех наших идейных разногласий, которые совершенно не нужно затрагивать, когда речь идет о том, что две наши столь противоположные социальные системы могут и должны мирно сосуществовать.

Эту сложную тему наш корреспондент упомянул здесь вовсе не для полноты перечисления своих впечатлений, а потому, что поездка Н. С. Хрущева помогла аме-

риканской демократии проявить себя с лучшей стороны, помогла тысячам, а может быть, миллионам американцев вырваться из заколдованного круга дезинформации, которой годами пичкала их американская пресса, скрывавшая истину о Советском Союзе, его целях, его стремлении жить в мире со всеми народами, дружить с американским народом.

Итог поездки ясен: советские люди гораздо лучше узнали Америку, чего и хотели добиться наши любезные хозяева; но одновременно американцы гораздо лучше теперь знают Советский Союз, главу его правительства, наши взгляды, нашу политику. Надеюсь, что и этого хотели американские власти.

ВАШИНГТОН, 25 сентября. (По телеграфу)

Улыбок Дюбуа БРАУН, восточный поэт КРАСНОЗВЕЗДНАЯ ЛУНА

Алая крапника	Полуночной мгле
На желтине	Вымел надежды
Взоры	Ветсы!
К себе приковаля,	Горд я и мною
Гордость людей	Путь в космос
Звездой на Луне,	продлею,
Вышелом	И я — человек —
красным	Пролетай его тоже!
Упала.	Вышел советский,
Мир рукоплещет	Гори на Луне
Триумфу Советов,	Планетам
Самой великой	Ярким и добрым,
Победе на свете.	Мы на тебя
Я — чужестранец	В любой стране
На русской земле,	С пяти континентов
Но сердце	Смотрим!
По-русски	Люди, шагайте
Быть.	По свежему следу
Визу —	Ветсы!
В сентябрьской	И над войной
	Одержите победу!

Перевел с английского А. МАМОНОВ

ВЕРНЫЙ КУРС

Я УВЕРЕН, что выступление господина Хрущева в Организации Объединенных Наций вызовет в сердцах людей доброй воли во всем мире чувства благодарности и радости. На протяжении всей истории ООН с ее трибуны еще не звучали такие проникновенные, прямые и искренние слова в защиту мира. Стены нью-йоркской штаб-квартиры ООН еще не слышали такого красноречивого призыва к миру, такого реалистического понимания и оценки международного положения.

Прекрасная речь господина Хрущева ободрила всех борцов за мир, вдохновила их на новые дела. С энтузиазмом и мужеством поднимают она людей на борьбу за всеобщее и полное разоружение. «Все говорит за то», — заявил господин Хрущев, — что настала пора открыть полосу международных переговоров, совещаний и встреч государственных деятелей с тем, чтобы один за другим находили свое решение назревшие международные вопросы». Он сравнил «холодную войну» с эпидемией мумы или холеры, которым народы не могут позволить свирепствовать.

Самая важная часть речи главы Советского правительства, естественно, — заявление о том, что главным средством для прекращения «холодной войны» и обеспечения прочного мира является полное и всеобщее разоружение государств, вплоть до ликвидации всех военных баз, военных министерств и респубки вооруженных сил. Это ясное заявление подтверждено неопровержимыми логическими аргументами.

В то же время было недвусмысленно сказано и о том, что обеспечение всеобщего и полного контроля возможно лишь в том случае, если и разоружение будет всеобъемлющим и полным. Когда соглашение о поэтапном разоружении государств будет достигнуто, то создание удовлетворительной системы контроля станет вполне возможным делом и подобная система сможет функционировать беспрепятственно, гарантируя безопасность всех и каждого.

Очень печально, что определенные элементы в Соединенных Штатах снова затянута свою бессмысленную песню: «В этом нет ничего нового». Они заявляют, что Советский Союз уже выступил с такими предложениями. Но представляю себе, что девушка напишет влюбленному в нее юноше: «Во фразе «я люблю вас» нет ничего нового, и поэтому я не могу принять ваше предложение». Абсурд! Ведь дело не в том, является ли оно искренним, практически осуществимым и созрело ли для него время. Тот, кто сознает серьезную опасность гонки вооружений и «холодной войны», знает, что время для всеобщего разоружения уже созрело.

Мне особенно приятно было услышать откровенные и решительные высказывания о Китае, сделанные в ООН. Политика Соединенных Штатов по отношению к народному Китаю — косная, нелогичная и опасная, как сказал недавно один видный канадский бизнесмен, возматривший из КНР. Год идет за годом, а Организация Объединенных Наций все не решается похоронить труп бывшего китайского правительства, изгнанного народом десять лет назад. Ни одна крупная проблема, каса-

ющаяся сохранения мира во всем мире, не может быть улажена без участия Китайской Народной Республики.

Отрадно также, что господин Хрущев ясно и справедливо осветил вопрос о колониях и бывших колониях, ставших независимыми странами, но все еще находящимися под экономическим контролем иностранцев. На земле не может быть настоящего мира, пока сохраняется подобное положение дел.

Не подлежит сомнению, что часть огромных сумм, затрачиваемых в настоящее время на вооружение, должна была бы пойти на развитие экономики стран отсталых стран. Но человечество должно также прислушаться к голосу совести. Долг всех людей доброй воли — пожелать успеха тем народам, которые все еще закабалены и борются за независимость. Мы должны чтить их лидеров точно так же, как американцев чтил Джордж Вашингтон и Томас Джефферсон.

Для дела мира было бы гораздо полезнее, если бы в империалистических странах больше говорили об исправлении несправдливостей, допущенных по отношению к угнетенным народам, чем о спасении их от коммунизма. Голод, болезни, невежество и эксплуатация — вот от чего ищет спасения большинство человечества. Соглашения о военной помощи, обременяющие малые страны огромным количеством американского вооружения, приносят им только вред.

Соглашась с тем, что ныне наступил срок для изменений в международных отношениях, мы можем сказать — доброе начало положено. Визит господина Хрущева и обращение к ООН вызвали тайные надежды. Мы надеемся, что восточный взгляд президента Эйзенхауэра в Советский Союз также поможет этому доброму делу.

Но борцы за мир не должны считать, что путь вперед будет легким. Быть может, президент Эйзенхауэр и хочет изменения нынешней напряженной обстановки. Многие люди из его окружения не желают этого. Известный американский журналист И. Ф. Стоун высказался в своем еженедельнике так:

«Гигантская машина, за рулем которой сидит Айн, работает на войну, а не на мир. Большая часть ее затрат, большая часть ее энергии расходуется на подготовку к войне и прежде всего на подготовку общественного мнения к войне. Способные и энергичные люди, окружающие его, связаны с подготовкой войны... Когда президент отправляется на поиски мира, никто вокруг не поддерживает его в этом деле. Наоборот, все люди в его окружении, в комиссии по атомной энергии, в Пентагоне, в Центральном разведывательном управлении, в государственном департаменте умеют быстро исканить и преувеличить значение любого пограничного инцидента от Гималаев до Лаоса, чтобы отравить общественное мнение, направить его против тех самых попыток укрепить мир, которые предпринимает президент».

Насколько важно поэтому, чтобы в ближайшие годы продолжались встречи, совещания и откровенные дискуссии. Г-н Хрущев взял правильный курс! (По телеграфу)

Н. С. Хрущев осматривает научно-исследовательский центр министерства земледелия в Белтвилле (штат Мэриленд). Снимок из американской газеты «Нью-Йорк таймс»

НАД КАРТОЙ КИТАЯ

ИЗ СИНЬГАН, порта в заливе Желтого моря, я еду в Пекин. За вагонным стеклом китайцы в соломенных шляпах, широких как зонты, пахнут на полях, утопая по колени в жидкой грязи. На каналах ослы с завязанными глазами вращают водные колеса. Пламенют цветы на видных ких станциях...

Когда входящий с моря, из пустоты, новая страна начинается для тебя как сразу, резко. Но здесь, в Китае, в незнакомом мне Синьгане, при всем неопорном своеобразии первых впечатлений, я был охвачен чувством близости — будто уже видел. Дрогнули струны воспоминаний — в сущности, самых дорогих для моего поколения. Внезапно вдохнул я воздух пятилеток. Разбухшее, устремленное, преобразуемое.

Синьган строится в устье реки Бай-Хэ, он задуман как аванпорт Пекина. С мостика мы увидели дощатые опалубки, свежую кирпичную кладку, ажурные шеи подъемных кранов. И толпу рабочих. Вот они разобились на бригады, выслушали задание, что-то обдумали — и пошли, как в бой.

Героический дух пятилеток — в Китае идет вторая — возбудил во мне радость... Пожалуй, нет, то не была радость заслуженного воспоминания. Это было ощущение, близкое к чувству победы: смотри, мы уже не один, на земном шаре с нами треть человечества.

Я еду в Пекин. Палит солнце над обожженной равниной с разбросанными деревцами, сверкает в зеркальных полосках оросительной сети. Пролетают селения. Будто катится передо мной на столе и разматывается трубочка карты...

Вот почему потянуло в Китай. Захотелось порадоваться развитию усилий, которые мы начали первыми.

Много лет пытался я фиксировать и передавать в рассказе то новое, что советская стройка, изменяя лицо страны, наносила на карту. Возможно, позже, чем следует, понял, что требуются силы покрупнее моих, чтобы с такой задачей достойно справиться... И вот — великое удовлетворение: предмет полюбился в столь же громадных масштабах. Силы народа преобразуют географию Китая. Вдвое меньше земли, но втрое больше людей.

При всех различиях, при всех особенностях есть нечто общее, исходящее из основ социализма, в том дерзковом рисунке, который чертит история на картах обеих наших стран. В Африке, в Америке я видел достаточно районов, преднамеренно лишенных промышленности: капитализм хочет их ослабить. В наших странах промышленность выращивается в каждом районе:

Н. МИХАЙЛОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Социализм требует всеобщего подъема. Заполняя пустые области, промышленность как бы двигается, и Советский Союз, и с его помощью Китай — оба поражают мир этим быстрым, расчистанным, грандиозным по пространственному размаху сдвигом индустрии и культуры. Сдвиг идет в еще недавно патриархальные и забытые, но беспречно богатые глубины Азии. Идет встречными курсами: у нас — на восток, в Китае — на запад.

Сердце мое тешат эти аналогии, отраженные карты. У нас нефть совершила рывок к востоку — зацепила ключом между Волгой и Уралом и уже начинает пробиваться в Сибирь; китайцы успели за короткие годы построить множество нефтяных вышек на западе — в девственных владениях Цайдань на краю Тибетского нагорья, где, говорят, попадают среди солончковых дюн двугорбый верблюд; и в пустыне Гоби — рукой податой до развалин мертвого города Харо-Хото; и в самом отдаленном от морей уголке планеты — в Джунгарии, где еще водятся лошади Пржевальского. Мы пробудили к жизни цветные металлы на востоке — в Казахстане и Средней Азии, а китайцы все более поднимают их на юго-западе, в Юньнани. У нас черная металлургия шагнула на восток домами и мартемами Урало-Кузбасса и уже рвется за Енисей, в Китае она потянулась на запад стройками Баогуо в степях Внутренней Монголии и Ухани на берегу Янцзы, а небольших заводов с полным металлургическим циклом уже достигла Урумчи возле наших среднеазиатских границ. Двинулись от края страны к середине — и сырье и потребителю хлопчатобумажные комбинаты: у нас — в Закавказье и в оазисах Средней Азии, у них — на Лесовое плато, к среднему течению Янцзы и в тот же самый Урумчи; льняной комбинат вырос в Харбине.

Сыграла сходную роль и старые промышленные центры. Ведь по составу промышленности — текстиль и металлургия — старую Рингу или Ревель можно в какой-то мере сравнить (повторно и подчеркиваю — при всех различиях) со старым Шанхаем. У ворот страны иностранный капитал ставил свой оплот, разружал сырье (и в России, и в Китае хлопок был наполнением привозным) и уивался дешезиной японцев уголь и металл на северо-востоке у Шэньяня, разве не были они походы на уголь и металл дореволюционного Донбасса, на три четверти и боль-

ше французского, бельгийского, немецкого? И вот на эти обновленные и выросшие индустриальные очаги легла задача стать центрами технического прогресса, кузницей кадров, трамплином для прыжка в глубь страны, где выросли такие промышленные великаны, как Новосибирск и Ланьчжоу, Красноярск и Чанчунь, Свердловск и Тайюань... Не раз я слышал, как новый Тайюаньский завод тяжелого машиностроения называли «китайским Уралом».

А сколько общего в реконструкции азиатских рек от Аму-Дарьи до Ангары и Хуанхэ! Стройка гидростанций по миллиону киловатт в ущельях Саньмынься и Люпэяна на Хуанхэ, второе рождение Великого канала, расширение ирригации... Неполохое реки, иной климат, другая постановка работы, но как все это в целом нам знакомо и близко.

Нам это близко: организованный, исчисляемый сотнями тысяч поток населения, только не на восток, а на запад, к центру Азии; сооружение гигантских мостов на Янцзы; продвижение озерной ирригации на север, за Великую Китайскую стену... По обе стороны советско-китайской границы распахивается целина и выращенный человеком лес, изменяя ландшафт, защищает поля от песчаных бурь.

Железнодорожные, автомобильные и авиационные нити пронизывают и оживляют древнее сердце Азии. Пески, перевалы, зачеркнутые тропы верблюжьих караванов, новые города, возрожденные народности, — думая о рельсовой дороге, которую китайцы ведут на запад от Ланьчжоу, я не могу не уподобить ее родному мне Турксибу. К Турксибу она, кстати, и примкнет.

Что творят, что дружно воздвигают сейчас на глубинных просторах Азии строители счастья и мира! Много важного происходит на земном шаре, но многое ли значительнее и интереснее этого?

Вот показался жемчужно-прозрачный очерк гор, и на его фоне — застывшие горы Китая. Среди них увидел мы две вертикали — старинную, sustentившую пагоду и современную, очень высокую парашютную вышку. В моей памяти об Антверпене, откуда наш корабль вышел в Китай, тоже соприкослись два узких здания, равных по высоте и господствующих над городом: знаменитый фламандский, весь из голубой оловянной и туполобой, подавляюще-властный банк...

Женский голос в радиопрозракторе остался верен себе. Он не объявил: «Пекин», а поздравил: — Дорогие пассажиры, наконец-то мы прибыли в нашу долгожданную столицу! ПЕКИН

Они стояли в холле у лифта. — Куда вы идете? — спросила Лилиан Клерфэ.

Он помедлил секунду.

— В Палас-Бар, — сказал он потом.

— Возьмем ли вы с собой?

Он опять помедлил. Потом перед глазами у него встала сцена с санками. Он увидел надменное лицо русского.

— Почему бы и нет? — сказал он.

Изозник остановился перед отелом. Клерфэ заметил, что Лилиан была без бот. Он взял ее за руки и пронес несколько шагов по снегу. Секунду она противилась этому, но потом сдалась. Он опустил Лилиан перед входом. — Так! — сказал он. — Пара шелковых туфель спасена! Подем в бар?

— Да. Мне надо что-нибудь выпить.

В бар было полно. Краснотелые лыжники в тяжелых ботинках топтались по танцплощадке. Оркестр играл слишком громко. Кельнер подошел к стойке бара столики и два стула.

— Вам водку, как и в прошлый раз?

— Нет, гингвейн или бордо. — Клерфэ посмотрел на Лилиан.

— А вам что?

— Мне водку, — ответила она.

— Знайте, бордо, — сказал Клерфэ. — Окажите мне услугу. Я не выпью водку после еды.

Лилиан посмотрела на него подозрительно: она невидела, когда с ней обращались, как с большой.

Правда, — сказал Клерфэ, — водку будем пить завтра, сколько захотите. Парочку бутылочек я контрабандно переправлю в санаторий. А сегодня закажем бутылку шеваль блан. Это вино такое легкое, что во Франции его зовут милый боженька в бархатных штанах.

— Вы пили это вино во Вьенне?

— Да, — сказал Клерфэ. Он говорил неправду — в «Отель де пирамид» он пил монстраше.

— Хорошо.

Подошел кельнер. — Вас вызывают к телефону, сударь. Кабина справа у двери.

Клерфэ встал. — А вы принесите пока бутылку шеваль блан 1937 года. И откройте ее.

Он вышел.

— Это был санаторий? — нервно спросила Лилиан, когда он вернулся.

— Нет, звонили из Канн. Из больницы.

— Умер один мой знакомый.

— Если должны уйти?

— Нет... — ответил Клерфэ. — Для него это, можно сказать, счастье.

— Счастье? — Да. Он разбилась во время гонок и осталась бы калекой.

Лилиан пристально посмотрела на него.

— Не думаете ли вы, что калеки тоже хотят жить? — спросила она потом.

Клерфэ ответил не сразу. В его ушах еще звучал жесткий, металлический, отчаянный голос женщины, звонившей ему по телефону: «Что мне делать? Сильва ничего не оставил! Никаких денег! Прозвоните! Помогите мне! Я сижу на мели! В этом вы виноваты! Вы все в этом виноваты! Вы с вашими проклятыми гонками!»

Он страхнул с себя эти мысли.

— Все зависит от точки зрения, — сказал он, обращаясь к Лилиан. — Этот человек был безумно влюблен в женщину, которая обманывала его со всеми механиками. Он был страстным гощиком, но никогда не вышел бы за пределы посредственности. Он ничего не хотел от жизни, кроме побед на гонках и этой женщины, ничего иного он не желал. И он умер, так и не узнав правды ни о том, ни о другом. Умер, не подозревая, что эта женщина не захотела видеть его, когда ему отняли ногу. Он умер счастливым.

— И это все? Возможно, он захотел бы жить, несмотря ни на что.

— Не знаю, — ответил Клерфэ, внезапно сбитый с толку. — Но я видел и более несчастных умирающих. А вы нет?

— Да, — сказала Лилиан упрямо. — Но все они охотно жили бы еще.

Клерфэ помолчал минуту. «О чем я говорю, — думал он. — И с кем? И в чем я говорю ли, чтобы убедить себя в том, во что сам не верю? Какой жесткий, холодный, металлический голос был у подружки Сильвы, когда она говорила по телефону?»

— От этого никому не уйти, — сказал он нетерпеливо. — И никто не знает, когда это случится. Какой смысл торговаться с временем? И что такое, в сущности, длинная жизнь? Длинное прошлое. Наше будущее каждый раз длится только до последнего вдоха. Никто не знает, что будет потом. Каждый из нас живет лишь надеждами и иллюзиями. Выьемся за это?

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

— Вот идет Борис. — сказала Лилиан. — Это можно было предвидеть!

ЖИЗНЬ ВЗАИМЫ

(Окончание. Начало на 2-3 стр.)

они возобновили Мануэлу за то, что она недостаточно быстро умирает.

— Или же привезут здесь, купят кондиционерку и обнесутся в деревне, — сказал Клерфэ.

Хольман рассмеялся. — У тебя убойственная фантазия.

Клерфэ покачал головой. — При чем тут фантазия? У меня убойственный опыт.

Три темные фигуры поднялись, не произнеся ни слова. Торжественно, соблюдая достоинство, они гуськом направилась к двери. И чуть не столкнулись с Лилиан Донкер. Она вошла так стремительно, что женщина испугалась и отшатнулась, издав пронзительный птвичий крик.

Лилиан быстро подошла к столу, где сидели Хольман и Клерфэ.

— Разве я похожа на призрак? — прошептала она... — А может, да? Уж?

— Куда? — сказала Лилиан.

— Нет, — сказал Хольман.

Лилиан посмотрела в зеркальце.

Теперь она выглядит иначе, чем раньше, подумал Клерфэ. Черты лица казались стершимися, глаза потеряли прозрачный блеск. Лилиан спрятала зеркальце.

— Зачем я это делаю? — пробормотала она, оглядываясь. — Крокодилия уже была здесь?

— Нет, — ответил Хольман. — Она должна появиться с минуты на минуту и выгнать нас. Она tonight как прусский фельдфебель.

— Сегодня ночью у дверей дежурит Жозеф. Мы сможем выйти. Ударь, — шептала Лилиан.

— Пойдете с нами?

— Куда? — спросил Клерфэ.

— В Палас-Бар, — сказал Хольман.

— Мы это иногда делаем, когда не в силах больше выдержать. Тайно ударим через служебный вход в Палас-Бар, в большую жизнь.

— В Палас-Баре ничего особенного нет. Я как раз оттуда.

— Для нас и этого достаточно. Даже если там нет ни души. Вас волнует все, что происходит за стенами санатория. Здесь причастны быть скромным.

— Мы можем выйти, — сказала Лилиан Донкер. — Я посмотрела, никто за нами не следит.

— Не могу, Лилиан, — сказал Хольман.